

УДК 93/94 (045) (470+571)

Как начался «настоящий» XX век

(к 100-летию начала Первой мировой войны)

ЦВЕТКОВ СЕРГЕЙ ЭДУАРДОВИЧ, преподаватель Международного университета в Москве.

E-mail: cer6042@yandex.ru

Продолжение. Начало см. в № 3 (15) 2014 г.

*А по набережной легендарной
Приближался не календарный –
Настоящий Двадцатый Век.*

А. Ахматова. «Поэма без героя»

Аннотация. Первая мировая война — политическая и культурно-духовная катастрофа цивилизованного мира, которая обусловила всю дальнейшую историю XX в. Она похоронила надежды интеллектуалов позитивистского толка на возможность бесконфликтного поступательного прогресса человечества. Несмотря на то что истоки Первой мировой войны коренились в самой сердцевине исторического развития Европы конца XIX–начала XX вв., ее начало оказалось полной неожиданностью для всех политических групп и общественных слоев. Сочетание исторической неотвратимости и психологической внезапности мировой катастрофы стало главным потрясением для ее современников и важнейшим уроком для политической элиты ведущих мировых держав второй половины XX в. Автор исследует процесс сползания государств Европы к беспрецедентной военной бойне на широком историческом фоне, который придает многомерность рисуемой картине.

Ключевые слова: Австро-Венгрия; Англия; Балканы; Германия; дипломатия; Европа; империализм; колонии; международная политика; Первая мировая война; причины; Российская империя; Сербия; убийство в Сараево; Франция.

How Did the «Real» Twentieth Century (The 100th Anniversary of the First World War)

SERGEY E. TSVETKOV, Professor, International University in Moscow, the Author of the Book «Russian history» in 4 Volumes and a Number of Biographical Research Works. E-mail: cer6042@yandex.ru.

Abstract. The First World War — the political, cultural and spiritual catastrophe of the civilized world, which led to all the subsequent history of the twentieth century. She buried hopes intellectuals positivist sense the possibility of a conflict-forward progress of mankind. Despite the fact that the origins of the First World War were rooted in the very heart of the historical development of Europe in the late XIX–early XX centuries. Its beginning was a complete surprise to all political groups and social strata. The combination of the historical inevitability of surprise and psychological world catastrophe was a major shock for her contemporaries and the most important lesson for the political elite of the world's leading powers of the second half of XX century. The author explores the process of sliding into Europe to an unprecedented military massacre against a broad historical background, which gives the picture drawn in the multidimensionality.

Keywords: Austria-Hungary; Balkans; causes; colony; diplomacy; England; Europe; France. Germany; imperialism; international politics; Russian Empire; Serbia; the assassination in Sarajevo; The First World War.

VIII. Развитие австро-сербского конфликта. Мобилизация России и Германии

В Петербурге эхо сараевского выстрела поначалу никого не встревожило. Министр иностранных дел Сазонов был в отпуске, а его подчиненных занимали такие важные вопросы, как повышение турецких пошлин и предоставление займа Монголии. Войска проходили учебу в летних лагерях. Петербуржцы были больше обеспокоены не международным положением, а пожарами в окрестностях города — горели торфяники.

Только третьего июля вернувшийся в столицу Сазонов провел особое заседание совета министров в Новом Петергофе. Никто из присутствовавших не видел ни малейшего повода для беспокойства. Сербам советовали сохранять выдержку, а чтобы подбодрить союзников, было решено ускорить выдачу им 120 тысяч винтовок и 120 миллионов патронов, о чем сербское правительство просило еще в феврале.

Протекла еще дюжина безмятежных дней. Вена молчала и появилась надежда, что она откажется от каких-либо карательных действий.

Первый тревожный сигнал о подлинных замыслах Австрии поступил 16 июля. В этот день на одном петербургском светском рауте итальянский посол задал вопрос директору канцелярии МИД барону Маврикию Фабиановичу Шиллингу: «как отнесется Россия к выступлению Австрии, если бы последняя решилась предпринять что-нибудь против Сербии». Шиллинг твердо ответил, что Россия не допустит ослабления и унижения Сербии.

17 июля Сазонову доложили, что его «возможно скорее» желает видеть австрийский посол в Петербурге граф Фридрих Сапари, закончивший свой летний отдых. Они встретились на следующий день. Сазонов, горячий, раздражительный человек, склонный сплеча рубить правду-матку, хотел «решительно высказаться» о недопустимости каких-либо акций против Сербии. Но австрийский дипломат «был кроток, как ягненок». В самом миролюбивом тоне он поведал об отсутствии у его правительства даже тени воинственных намерений. Сазонову не пришлось произнести ни одну из заготовленных фраз. Зато в разговоре с германским послом фон Пурталесом русский министр высказался сполна, заявив, что Россия не потерпит унижения Сербии и что ультиматумы в данном деле недопустимы.

«Наша политика мирная, но не пассивная», — предупредил он. Сазонов разгорячился не на шутку. Французский посол Морис Палеолог, войдя в его кабинет после разговора с Пурталесом, застал Сазонова раскрасневшимся, со сверкающими глазами, еще дрожащим от возбуждения.

Следующие пять дней прошли под знаком русского визита Пуанкаре. Сербская тема, безусловно, была одной из главных во время переговоров. Впоследствии государственные мужи и дипломаты сходились на том, что, вероятно, уже тогда «Франция и Россия пришли к решению поднять брошенную им перчатку», по выражению английского посла в Петербурге Бьюкенена. И хотя никаких конкретных договоренностей достигнуто не было, союзники остались чрезвычайно довольны друг другом.

Проводив французского президента, утром 24 июля Сазонов прибыл из Царского Села в здание Министерства иностранных дел у Певческого моста. Здесь его уже ждала свежая телеграмма из Белграда с сообщением об австрийском ультиматуме. Сазонов молниеносно оценил новость: «Это европейская война!» Чуть позже он принял Сапари, который лично ознакомил его с текстом ультиматума. На этот раз Сергей Дмитриевич не счел нужным сдерживаться: «Вы хотите войны и сожгли свои мосты», — бросил он в лицо австрийцу.

Австрийская нота Сербии, собственно, и не оставляла Сазонову выбора: отдача Сербии на растерзание австрийцам означала уход России с Балкан с последующей утратой контроля над черноморскими проливами.

В тот же день, около часа дня, Сазонов встретился с представителями Франции и Англии. Морис Палеолог обещал полную поддержку своего правительства. Английский посол Бьюкенен отмалчивался, так как не располагал на сей счет никакими инструкциями.

«Англия не хочет вести войну для установления господства славян над Европой», — таково было господствующее настроение в правительстве и обществе, выраженное английским послом в Берлине.

В три часа дня в Красном Селе открылось заседание Совета министров с участием царя. Многие из присутствующих ничего не знали о предмете предстоящего совещания. Без всякого вступления, государь предоставил слово Сазонову, который в полчасовой речи обрисовал положение, создавшееся вследствие австро-сербского

конфликта. «То, о чем Сазонов докладывал, — вспоминает военный министр Сухомлинов, — было крупное обвинение австро-венгерской дипломатии. Все присутствовавшие получили впечатление, что дело идет о планомерном вызове, против которого государства Тройственного соглашения (*Entente cordiale*), Франция и Англия, восстанут вместе с Россией, если последняя попытается не допустить насилия над славянским собратом. Сазонов сильно подействовал на наши воинские чувства. Он нам объявил, что непомерным требованиям можно противопоставить после того, как все дипломатические средства для достижения соглашения оказались бесплодными, только военную демонстрацию; он заключил указанием на то, что наступил случай, когда русская дипломатия может посредством частичной мобилизации против Австрии поставить ее дипломатию на место. Технически это обозначало распоряжение о подготовительном к войне периоде. О вероятности или даже возможности войны не было речи». Впрочем, продолжает Сухомлинов, «в 1914 году армия была настолько подготовлена, что, казалось, Россия имеет право спокойно принять вызов. Никогда Россия не была так хорошо подготовлена к войне, как в 1914 году».

Во исполнение принятого решения со следующего дня в России начались тайные приготовления к мобилизации, чтобы выправить отставание в сроках¹. Начальник Генерального штаба генерал Николай Николаевич Янушкевич сообщил членам комитета Генерального штаба, что «государю императору было благоугодно признать необходимым поддержать Сербию, хотя бы для этого пришлось объявить мобилизацию и начать военные действия, но не ранее перехода австрийскими войсками сербской границы». Скрытые предмобилизационные мероприятия осуществлялись не только на границе с Австрией, но и в пограничных с Германией округах. В Финском заливе ставились минные ограждения.

¹ В Германии на мобилизацию отводилось 4–7 дней. В Австро-Венгрии мобилизация полевых дивизий с обозами заканчивалась на 6–8-й день, а ландверных дивизий — на 9–10-й день. Сроки мобилизации русской армии были следующие: кавалерийские дивизии — 2–4 дня, пехотные дивизии в приграничных округах — 4–6 дней, во внутренних — 5–8 дней, а в дальних — 6–21 день. Половина второочередных дивизий мобилизовалась за 14 дней, остальные — до 28 дней. Войска из Сибири прибывали на европейский театр войны после 40-го дня мобилизации.

Развертывание сил Балтийского флота было закончено к вечеру 26 июля. Некоторые сухопутные воинские части уже к 27 июля были полностью отобилизованы.

Некоторые из проводимых мероприятий стали известны германскому послу. Встревоженный Пурталес немедленно обратился к Сазонову за разъяснениями, но тот заверил его под честное слово, что мобилизация в России не проводится, речь идет о необходимых предосторожностях против Австрии.

В своих воспоминаниях Пурталес оценивал действия русского правительства следующим образом: «По-видимому, ни председатель Совета министров Горемыкин, ни Сазонов не использовали своего влияния с должной энергией, чтобы доставить 25 июля торжество политике, направленной к сохранению мира. Несмотря на это, я не думаю, чтобы Сазонов хотел войны уже в этот момент. Однако он предавался роковой иллюзии, будто Германия, убедившись в решимости России на сей раз идти на последнюю крайность, оставит своих союзников в беде, и, таким образом, Россия и державы Тройственного соглашения одержат дипломатический успех... При этом, по своей большой неопытности, чтобы не сказать наивности, в вопросах военного дела, он не отдавал себе отчета в великой опасности, которая заключалась в том, что, очевидно, уже 25 июля военным властям были даны очень широкие полномочия к началу военно-подготовительных мероприятий».

Действительно, в русской армии предмобилизационную подготовку восприняли недвусмысленно — как сигнал к неизбежной войне. Начальник мобилизационного отдела Генерального штаба генерал Сергей Константинович Добролюбовский выражал общее мнение военных, когда писал: «Война была уже предreshена, и весь поток телеграмм между правительствами России и Германии представлял лишь мизансцену исторической драмы. Отсрочка момента окончательного решения была, безусловно, весьма полезной для подготовительных мер».

Тем не менее судьба Европы и всего мира еще несколько дней находилась в руках дипломатов. Сухомлинов свидетельствует, что «между 24 и 30 июля, единственно за высшей политикой оставалось решающее слово... Сазонову-дипломату, а не военному министру дано было полномочие выбора вида мобилизации (частичной

или общей) в зависимости от обстоятельств, хотя и с доклада государю».

Решительная позиция России смутила Бьюкенена, который находил действия Сазонова чересчур прямолинейными. Англичанин обратился за помощью к французскому коллеге: «Я не сомневаюсь более, что Россия идет до конца. Она взялась за дело всерьез. Я умолял Сазонова не соглашаться ни на какую военную меру, которую Германия могла бы истолковать как вызов. Надо предоставить германскому правительству всю ответственность и всю инициативу нападения. Английское общественное мнение не допустит мысли об участии в войне иначе, как при условии, чтобы наступление исходило непременно от Германии... Ради Бога, говорите в том же смысле с Сазоновым».

Но Германия сохраняла внешнее спокойствие. 26 июля Мольтке встретился с канцлером Бетман-Гольвегом. Несмотря на поступающие донесения о военных приготовлениях России, оба пришли к выводу: «До тех пор пока Россия не предпримет враждебных действий, наши старания должны быть направлены на локализацию конфликта». Военному министру начальник штаба сообщил, что считает «принятие каких-либо мер преждевременным».

Главным «делателем новостей» пока что была Вена.

25 июля Сазонов отправил Берхтольду телеграмму с просьбой предоставить Сербии отсрочку для ответа на ультиматум. Берхтольд ответил отказом.

Вечером 26 июля был получен сербский ответ. Над ним двое суток напролет работали лучшие умы сербского МИДа во главе с премьер-министром Николой Пашичем. Им удалось совершить невозможное. Искусно составленный документ поверг официальную Вену в панику. Сербь соглашались принять большинство требований, внося при этом в формулировки ничтожные на первый взгляд оговорки и изменения, обсуждение которых позволило бы оттянуть время. Дипломатическое мастерство сербов ставило Австро-Венгрию в невыгодное положение агрессора, готового развязать войну из-за редакционных поправок. Начальник канцелярии Министерства иностранных дел барон Музулин назвал сербскую ноту «самым блестящим образцом дипломатического искусства, который только он знает». Берхтольд доложил императору Францу

Иосифу об «очень ловко составленном ответе» сербского правительства.

Лишь один-единственный пункт австрийского ультиматума был отвергнут — о допущении австрийских чиновников к производству следствия на сербской территории, «так как это было бы нарушением Конституции и закона об уголовном судопроизводстве». На подобное унижение, означавшее фактическую утрату суверенитета, не могло пойти ни одно мало-мальски уважающее себя правительство. Впрочем, даже тут Сербия соглашалась передать этот вопрос на обсуждение конференции великих держав и обещала вполне подчиниться их решению. Но глава австро-венгерской миссии в Сербии барон Владимир Гизль не стал вникать в эти тонкости. Убедившись в том, что ультиматум принят не полностью, он в тот же день покинул Белград в специальном поезде. Согласования с Министерством иностранных дел не требовалось — все инструкции были уже получены, архивы и вещи упакованы заранее.

27 июля в Потсдам из трехнедельного плавания по норвежским фьордам вернулся Вильгельм. Утром 28-го он ознакомился с сербским ответом и приписал на полях донесения: «Блестящее произведение за срок всего в 48 часов. Это больше, чем можно было ожидать. Большой моральный успех для Вены, но с этим отпадает всякий повод для войны... После этого я никогда не отдал бы приказа о мобилизации». По его мнению, все складывалось отлично, дело шло к локализации конфликта, и Австрия могла в одиночку разделиться с Сербией.

Находясь в самом отличном расположении духа, кайзер в 10 часов утра растолковал Ягову свое видение ситуации: «Я убежден, что пожелания Дунайской монархии в целом выполнены... Здесь объявляется всему миру самая унижительная капитуляция и в результате отпадает всякий повод для войны. Однако это только кусок бумаги, ценность которого весьма ограничена, пока ее содержание не претворено в жизнь... Для того чтобы эти красивые обещания стали действительностью и фактом, необходимо применить мягкое насилие. Это следовало бы осуществить так, чтобы Австрия с целью побудить сербов выполнить обещания оккупировала Белград и удержала его до тех пор, пока требования не будут действительно выполнены... На этой базе я готов сотрудничать с Австрией в пользу мира. Предложения,

идушие против, или протесты других государств я буду безоговорочно отклонять...».

Протесты и идущие против предложения, разумеется, не замедлили последовать. Грей выразил надежду, что Австрия удовлетворится уступчивостью Сербии, унижение которой уже чрезмерно, и предложил созвать международную конференцию для разрешения кризиса.

В тот же день была получена телеграмма Николая II. «Рад твоему возвращению, — выстукивал телеграфный аппарат царское послание. — В этот чрезвычайно серьезный момент я прибегаю к твоей помощи. Слабой стране объявлена гнусная война. Возмущение в России, вполне разделяемое мною, безмерно. Предвижу, что очень скоро, уступая оказываемому на меня давлению, я буду вынужден принять крайние меры, которые приведут к войне. Стремясь предотвратить такое бедствие, как европейская война, я прошу тебя во имя нашей старой дружбы сделать все, что ты можешь, чтобы твои союзники не зашли слишком далеко».

На полях этой телеграммы Вильгельм злорадно пометил: «Признание его собственной слабости». Кайзер все больше убеждался, что Россия опять не выступит².

Между тем германский канцлер призывал Вильгельма сделать какие-нибудь публичные жесты в знак одобрения мирных инициатив других стран. Иначе, предупреждал он, «бремя ответственности мировой войны», в конце концов, падет на германское правительство «и в глазах германского народа. А на такой основе нельзя начинать

и успешно вести войну на три фронта. Поэтому настоятельно необходимо, чтобы при всех обстоятельствах ответственность за возможное распространение конфликта... пала на Россию».

В то же время Бетман-Гольвег пояснял Чиршки, что «речь идет лишь о том, чтобы найти способ, позволяющий осуществить преследуемые Австро-Венгрией цели, обрезать жизненный нерв великосербской пропаганды, не развязывая в то же время мировой войны, а если она в конце концов неизбежна, то максимально улучшить условия, в которых ее придется вести». Германский посол должен был указать Берхтольду, что всякое промедление с началом военных операций против Сербии «грозит вмешательством других держав». Берлин настоятельно советовал союзнику «поставить мир перед свершившимся фактом».

На предложение Грея было решено ответить отказом. Вильгельм был окрылен сообщением своего брата, принца Генриха Прусского, который на днях, будучи в Лондоне, имел беседу с королем Георгом V. «Отдавая себе совершенно ясный отчет в серьезности настоящего положения, — сообщал принц, — король уверял меня, что он и его правительство ничего не упустят для того, чтобы локализовать войну между Сербией и Австрией». «Он, — продолжает Генрих, — сказал дальше дословно следующее: «Мы приложим все усилия, чтобы не быть вовлеченными в войну и остаться нейтральными». Я убежден в том, что эти слова были сказаны всерьез, как и в том, что Англия сначала действительно останется нейтральной». Сведения, полученные по династической линии, значили в глазах Вильгельма гораздо больше заявлений министров. «У меня есть слово короля, этого мне достаточно!» — заявил он Тирпицу, который заметил, что Англия дает условные обещания, ни к чему ее не обязывающие. В душе Вильгельм ликовал, ибо английский нейтралитет стоил десяти выигранных сражений на континенте.

Все же Бетман-Гольвег убедил кайзера в ночь на 29 июля направить миролюбивую телеграмму царю. «Без сомнения, — говорилось в ней, — ты согласишься со мной, что наши общие интересы, твои и мои, как и интересы всех монархов, требуют, чтобы все лица, нравственно ответственные за это подлое убийство, понесли заслуженное наказание». «В данном случае политика не играет никакой роли», — уверял «Вилли». Понимая, что

² Бельгийский посол в Берлине сообщал своему правительству 28 июля: «В Вене так же, как и в Берлине, были убеждены в том, что Россия не в состоянии вести европейскую войну, и что она не посмеет впутаться в такую ужасную авантюру... Тревожное положение внутри страны, революционные происки, недостаточное вооружение, несовершенные пути сообщения — все эти обстоятельства заставляют российское правительство беспомощно взирать на экзекуцию над Сербией. Такого же презрительного мнения держались, если не о французской армии, то, во всяком случае, о духе, царящем в правительственных кругах Франции... Мнение, что Россия не доросла до европейской войны, господствует не только в лоне кайзеровского правительства, но также и среди немецких промышленников, специальностью которых были военные поставки. Так, например, наиболее компетентный из них, Крупп фон Болен, уверял одного из моих коллег, что русская артиллерия в плохом состоянии, недостаточно пополнена, между тем как германская никогда не была в более прекрасном состоянии». При этом он еще добавил: «Для России было бы безумием при этих условиях объявить Германии войну».

«Ники» трудно противостоять «силе общественного мнения», «искренний и преданный друг и кузен» обязался «употребить все свое влияние, чтобы побудить австрийцев действовать со всей прямоотой для достижения удовлетворительного соглашения с тобой».

Все это писалось в то время, когда австрийская дальнотойная артиллерия и орудия Дунайской флотилии уже начали обстрел Белграда. Берхтольд решил форсировать события, «чтобы истребить саму мысль о всяких попытках вмешательства» других стран. Накануне он доложил императору о перестрелке с сербами на границе, хотя на самом деле все было спокойно. Франц Иосиф дал согласие на объявление войны.

Весть о нападении Австро-Венгрии на Сербию застала Сазонова 28 июля, во второй половине дня, во время беседы с Палеологом, который официально объявил о «полной готовности Франции исполнить, если надо, союзнические обязательства». Вечером, с согласия государя, в Петергофе было созвано чрезвычайное заседание Совета министров. На повестке дня стоял один вопрос — о мобилизации. В необходимости этой меры сомнений не было ни у кого, обсуждению подлежало лишь то, какую форму мобилизации следует предпочесть — частичную или сразу общую? Выяснилось, что мнения военных и штатских по этому поводу не совпадают.

Сазонов, а вместе с ним и царь полагали, что на агрессию Австрии следует ответить частичной мобилизацией в Киевском, Одесском, Московском и Казанском округах, под которую подпадали 13 армейских корпусов численностью 1 100 000 человек. К общей мобилизации следовало переходить только в том случае, если на стороне австрийцев выступит Германия.

Начальник Генерального штаба Янушкевич возражал на это, что переход от частичной мобилизации ко всеобщей невозможен, так как мобилизационное расписание русской армии не предусматривало частичной мобилизации отдельных округов. Частичная мобилизация могла нарушить все расчеты и внести хаос в расписание железнодорожных перевозок. Таким образом, мобилизуясь только против Австро-Венгрии, Россия рисковала впоследствии оказаться беззащитной перед Германией.

Сазонов довольно быстро уловил суть дела, но убедить царя в необходимости немедленно объявить всеобщую мобилизацию удалось только на

следующий день. По закону царский указ требовалось подкрепить подписями министров — военного, морского и внутренних дел. Военный министр Сухомлинов подписал бумагу молча. Однако когда начальник мобилизационного отделения генерал Добrorольский явился к морскому министру, адмиралу Григоровичу, тот поначалу не поверил своим глазам: «Как, война с Германией? Флот наш не в состоянии состязаться с немецким». Только после звонка Сухомлинову, свидетельствует Добrorольский, «он с тяжелым чувством приложил свою подпись».

На Елагином острове, у министра внутренних дел Маклакова «царила молитвенная обстановка». В красном углу министерского кабинета, на узком столе, покрытом белой скатертью, стояло несколько больших образов, перед которыми теплились лампада и несколько свечей. Министр тотчас заговорил о революционерах, которые, по его сведениям, с нетерпением ждали войны, чтобы начать новую смуту. «Война у нас, — сетовал он, — не может быть популярной; идеи революции народу понятнее, нежели победа над немцами... Но от рока не уйти», — закончил министр и, осенив себя крестным знаменем, подписал документ.

Получив подписи министров, Добrorольский поздно вечером отправился на Главный телеграф, чтобы отправить телеграмму по назначению. Но там его вызвал к телефону генерал Янушкевич и передал Высочайшее распоряжение о замене всеобщей мобилизации на частичную. Всю ответственность за это решение царь брал на себя.

Столь внезапная перемена в настроении Николая была следствием прочтения им новой телеграммы от «кузена Вилли», доставленной в Петергоф в половине седьмого вечера. Кайзер писал, что не может считать действия Австрии против Сербии «гнусной» войною, так как «Австрия по опыту знает, что сербским обещаниям на бумаге совершенно нельзя верить». По его мнению, «действия австрийцев следует оценивать как стремление получить полную гарантию того, что сербские обещания станут реальными фактами». Далее он сообщал, что Австрия не желает каких бы то ни было территориальных приобретений за счет сербских земель. «Потому я полагаю, — делал вывод Вильгельм, — что Россия вполне могла бы остаться наблюдателем австро-сербского конфликта, не вовлекая Европу в самую ужасную войну, которую она когда-либо видела... Конечно,

военные меры со стороны России в Австрии были бы расценены как угроза и ускорили бы катастрофу, которую мы оба хотим избежать, а также повредили бы моему положению посредника, которую я в ответ на твое обращение к моей дружбе и помощи охотно взял на себя».

В ответной телеграмме Николай, с «верой в мудрость и дружбу» дорогого кузена, поделился с ним своим мнением, что австро-сербский конфликт следует передать на рассмотрение в Гаагский суд.

Это предложение Вильгельм пропустил мимо ушей, зато указал в своей третьей телеграмме (отправленной в ночь на 30 июля) на «печальные последствия» русской мобилизации и напомнил: «Теперь вся тяжесть решения лежит целиком на твоих плечах, и ты несешь ответственность за мир или войну».

Он был прав в одном: с этого момента судьба Европы решалась уже не в Вене, а в Петербурге и Берлине.

Мысль о губительности частичной мобилизации всю ночь не давала покоя генералу Янушкевичу. 30 июля, за час до полудня, он встретился с Сазоновым и Сухомлиновым, которые разделили его тревогу, признав необходимым добиться от царя нового разрешения на общую мобилизацию. От слов сразу перешли к делу. Янушкевич снял телефонную трубку и попросил соединить его с государем. Беседа их была недолгой. Выслушав доводы начальника Генерального штаба в пользу общей мобилизации, Николай сухо отрезал, что не намерен менять своего решения по этому вопросу, и заявил, что прекращает разговор. Но Янушкевич все-таки вставил, что у него в кабинете находится министр иностранных дел, который просит разрешения сказать несколько слов. На том конце провода на несколько секунд воцарилась тишина, затем государь велел пригласить Сазонова к аппарату. Тот обратился к Николаю с просьбой о приеме для неотложного доклада. Царь назначил аудиенцию ровно на три часа. Как только Сазонов положил трубку, Янушкевич взял с него слово немедленно поставить его в известность о благополучном исходе переговоров, чтобы он мог отдать необходимые распоряжения. После этого, заключил генерал, «я уйду, сломаю мой телефон и вообще приму все меры, чтобы меня никоим образом нельзя было разыскать».

Спустя несколько часов Сазонов вошел в кабинет государя, преисполненный решимости

получить то, за чем он явился. Он произнес энергичную 50-минутную речь, убеждая царя, что Германия последовательно срывает все попытки мирного исхода и хочет только выиграть время, чтобы закончить втайне свои военные приготовления — «это обстоятельство создавало для Германии громадное преимущество, которое могло быть парализовано нами, и то до известной только степени, своевременным принятием мобилизационных мер». Отдав приказ о всеобщей мобилизации, уверял Сазонов, царь «может себе сказать в полной уверенности, что его совесть чиста, что ни перед Богом, ни перед будущими поколениями русского народа ему не придется отвечать за пролитие крови, которое эта ужасная война принесет России и всей Европе».

Николай возражал, выражая всем своим видом крайнее волнение: «Это значит обречь на смерть сотни тысяч русских людей! Как не остановиться перед таким решением!..» Но, в конце концов, сдался: «Вы правы. Нам не остается ничего другого, как приготовиться к нападению. Передайте начальнику Генерального штаба мой указ о мобилизации».

На часах было 16.00. Сазонов поспешил в нижний этаж к телефону. Передав Янушкевичу слова царя, он добавил: «Теперь вы можете сломать свой телефон. Отдайте ваше приказание, генерал, и исчезнете на весь день». Янушкевич ответил: «Мой аппарат испорчен».

На этот раз Добrorольскому не пришлось метаться по всему Петербургу, собирая подписи. Все ответственные лица были в Мариинском дворце, где проходило экстренное заседание Совета министров.

В шесть часов вечера, в полной тишине, застучали все телеграфные аппараты Генерального штаба, возвестив о вступлении России в новую эпоху.

Локализовать австро-сербский конфликт не получилось, и теперь всех интересовало одно — как поведет себя Англия.

30 июля на Вильгельма пролился холодный душ. В первом часу пополудни он получил телеграмму Лихновски, который сообщил о своей встрече с Греем. Английский министр встретил германского посла словами: «Положение все более обостряется». Затем он заявил, что вынужден в частном порядке сделать ему некоторое сообщение, которое попросил не считать угрозой. «Британское правительство, — продолжил

Грей, — желает и впредь поддержать существующую дружбу с Германией и может остаться в стороне до тех пор, пока конфликт ограничивается Австрией и Россией. Но, если бы в него втянулась Германия и Франция, положение тотчас бы изменилось, и британское правительство, при известных условиях, было бы вынуждено принять срочные решения. В этом случае нельзя было бы долго оставаться в стороне и выжидать. Когда разразится война, это будет величайшей катастрофой, которую когда-либо видел мир». Грей обещал, в случае принятия Австрией посредничества, «помочь ей получить всякое возможное удовлетворение». По его мнению, Австрия могла бы «добиться гарантий на будущее и без войны, которая ставит европейский мир под знак вопроса».

Взбешенный Вильгельм, не стесняясь в выражениях, разразился на полях донесения яростной филиппикой в адрес коварного Альбиона: «Британия открывает свои карты в тот момент, когда ей кажется, что мы загнаны в тупик и наше положение стало безвыходным. Гнусная торгашеская сволочь пыталась обмануть нас банкетам и тостами!.. К тому же это фактически угроза, соединенная с блефом, чтобы оторвать нас от Австрии, помешать мобилизации и взвалить на нас вину за войну. Он (Грей. — С.Ц.) совершенно определенно знает, что, если он скажет одно-единственное серьезное и резкое предостерегающее слово в Петербурге и Париже и порекомендует им нейтралитет, оба тотчас же притихнут. Но он остергается вымолвить такое слово и вместо этого угрожает нам. Гнусный сукин сын! Англия одна несет ответственность за войну и мир, а уж никак не мы!».

В этот день кайзер засиделся за письменным столом, оставляя раздраженные пометы на поступающих донесениях. Читая телеграмму Пурталеса, он подчеркнул заявление Сазонова, что «отмена приказа о мобилизации уже невозможна, и в этом виновна австрийская мобилизация», и сопроводил слова русского министра пространными рассуждениями.

Царь, по мнению Вильгельма, виноват в том, что «он не чувствует себя достаточно сильным, чтобы приостановить мобилизацию». «Легкомыслие и слабость, — писал Вильгельм, — должны ввергнуть мир в самую ужасную войну, имеющую целью, в конечном счете, гибель Германии. В этом я в настоящее время нисколько не сомневаюсь. Англия, Россия и Франция сговорились,

принимая за основу *casus foederis*³ в отношении к Австрии, повести против нас истребительную войну».

Возвращаясь еще раз к «циничным» заявлениям Грея, кайзер писал: «Это означает, что мы должны либо подло предать нашего союзника и предоставить его на произвол России и, тем самым, расколоть Тройственный союз либо подвергнуться нападению со стороны Тройственного соглашения за нашу союзническую верность... При этом из глупости и неспособности нашего союзника нам строят ловушку. Таким образом, пресловутое «окружение» Германии стало-таки непреложным фактом, несмотря на все попытки наших политиков и дипломатов...».

В конце Вильгельм предавался злобным фантазиям: «Теперь все эти козни должны быть беспощадно раскрыты, с них должна быть публично сорвана маска христианского миролюбия, и фарисейское притворство должно быть пригвождено к позорному столбу. Наши консулы в Турции и Индии, агенты и т.п. должны разжечь среди магометанского мира пламя восстания против этого ненавистного, лживого и бессовестного народа торгашей. Если нам суждено истечь кровью, то Англия, по крайней мере, должна потерять Индию».

Пустословие тоже имеет свои пределы, поэтому тут кайзер отложил перо. Безусловно, он пребывал в полнейшем смятении. Одно дело — размахивать горящим факелом перед пороховой бочкой, и другое — увидеть, что фитиль занялся. Ярким свидетельством полной потери Вильгельмом способности принимать решения стала история с *Lokal Anzeiger*, одной из самых читаемых в Берлине газет. 30 июля был момент, когда Мольтке удалось заставить кайзера дать согласие на мобилизацию. Известие об этом поспешили напечатать в *Lokal Anzeiger*. Но Бетман-Гольвег буквально тут же убедил Вильгельма отозвать свое распоряжение. Весь тираж *Lokal Anzeiger* был немедленно конфискован. Однако русский посол в Берлине уже успел ознакомиться с сенсационной публикацией и своим сообщением переполошил русский Генеральный штаб.

Бетман-Гольвег, по свидетельству Тирпица, тоже «совершенно пал духом», «с ним невозможно было говорить». «Курс потерян, и лавина

³ «Договорный случай» (лат.), т.е. случай, при котором вступают в силу обязательства по союзному договору.

пришла в движение», — так он охарактеризовал общее положение на заседании Совета министров. 30 июля рейхсканцлер забросал Вену шестью телеграммами, отменявшими одна другую. Но, так или иначе, в них содержался призыв продолжать мирные переговоры. «Если Вена откажется от всяких предложений, — предупреждал Бетман-Гольвег, — невозможно будет свалить на одну Россию одиум⁴ войны, которая может вспыхнуть».

Ближе к вечеру раздался решительный голос начальника немецкого Генерального штаба. Он смотрел на ситуацию как военный, для которого русская мобилизация требовала немедленного адекватного ответа. Австрийский военный агент в Берлине Бинерт по поручению Мольтке телеграфировал генералу Конраду: «Всякая потерянная минута усиливает опасность положения, давая преимущество России... Отвергните мирные предложения Великобритании. Европейская война — это последний шанс на спасение Австро-Венгрии. Поддержка Германии вам абсолютно обеспечена». Удивленный Конрад воскликнул: «Кто правит в Берлине, Бетман или Мольтке?»

Словно отвечая на этот вопрос, в ночь на 31 июля Мольтке уже сам телеграфировал в Вену: «Мобилизуйтесь немедленно против России. Германия объявит мобилизацию».

Германским дипломатам оставалось лишь искать союзников в надвигающейся войне, которая с каждой минутой становилась все более неотвратимой. Главам правительств и министрам иностранных дел Италии, Румынии, Болгарии, Греции, Турции были отправлены телеграммы с требованием поддержать выступление против России.

Утром 31 июля Вильгельм попытался еще раз переложить «одиум войны» на плечи русского кузена. «Ответственность за безопасность моей империи вынуждает меня принять превентивные защитные меры, — телеграфировал он царю. — Никто не угрожает чести или силе России... Ты все еще можешь сохранить мир в Европе, если Россия согласится остановить свои военные приготовления, которые, несомненно, угрожают Германии и Австро-Венгрии».

«Ники» откликнулся быстро. Он уведомил кайзера, что «по техническим условиям невозможно приостановить наши военные приготовления,

которые явились неизбежным последствием мобилизации Австрии». В то же время, продолжал царь, «мы далеки от того, чтобы желать войны. Пока будут длиться переговоры с Австрией по сербскому вопросу, мои войска не предпримут никаких вызывающих действий. Даю тебе в этом мое слово».

Николай не лукавил. В 1913 г. русский Генеральный штаб постановил, что мобилизация против Германии и Австрии есть в то же время объявление войны этим государствам. Но затем, в начале 1914 г., эта формула была заменена другой, согласно которой объявлением войны Германии и Австрии надлежит считать не сам факт мобилизации, а получение соответствующей телеграммы из Петербурга или нарушение границы неприятельской вооруженной командой.

Таким образом, царь искренне полагал, что объявленная им общая мобилизация не создает непосредственной военной угрозы Австро-Венгрии и Германии и трехмиллионная русская армия может неделями спокойно стоять на границе «с ружьем у ноги», как уверял Сазонов германского посла.

Это был наивный взгляд, не учитывавший того, что весь германский «план Шлиффена» строился на том, чтобы опередить Россию в мобилизационных мероприятиях. После объявления русской мобилизации Германия должна была или отступить, или запустить маховик войны. Отступать она не желала. Главная неприятность состояла в том, что войну нужно было начинать первыми.

31 июля в три часа дня Вильгельм покинул Потсдам и въехал в Берлин, приветствуемый восторженными толпами. С балкона Городского дворца он прокричал собравшемуся народу, что его вынуждают к войне: «Нас заставили взять в руки меч!». Потрясая каким-то листком, видимо, долженствующим символизировать коварную царскую телеграмму, кайзер патетически восклицал: «Русский император обманул меня!». Газеты распространили эту речь в сокращении, так как Вильгельм совершенно потерял контроль над собой. Русские, бывшие тогда в Берлине и слышавшие речь кайзера своими ушами, утверждали, что она изобиловала призывами к истреблению русских везде и всюду.

Телеграмма Мольтке подтолкнула Австро-Венгрию к решительным шагам. 31 июля в 12 часов 32 минуты Франц Иосиф подписал указ о мобилизации остальной части армии, сосредоточив

⁴ *Odiум* (лат.) — позор; предмет ненависти, нареkania.

ее против России в Галиции. Затем он отправил телеграмму Вильгельму. В ней говорилось о «тяжком долге», «Божьей справедливости» и прочей приличествующей случаю чепухе.

На следующий день старый император подытожил свое правление: «Если монархии суждено быть разрушенной, пусть, по крайней мере, она сделает это респектабельно».

IX. Германский ультиматум. Начало мировой войны

За час до полуночи 31 июля Сазонову доложили о приезде Пурталеса. Германский посол передал русскому министру ультиматум своего правительства: если первого августа к 12 часам дня Россия не демобилизуется, то Германия тоже объявит мобилизацию. Сазонов спросил, означает ли это войну. «Нет, — ответил Пурталес, — но мы к ней чрезвычайно близки». По возвращении в германское посольство он получил распоряжение рейхсканцлера продлить срок исполнения ультиматума до шести часов вечера. Одновременно ему были переданы два варианта официального текста с объявлением войны России: один из них следовало вручить в случае продолжения русской мобилизации, другой — если никакого ответа не будет получено.

Над составлением этих документов Бетман-Гольвег трудился все субботнее утро 1 августа.

Итогом этого дня была трагикомическая сцена в русском Министерстве иностранных дел у Певческого моста. Пурталес вновь появился там не в шесть, а в семь часов. Вечер был чудный, но германский посол был явно не в себе. Семь лет он провел в Петербурге, и все это время по мере сил пытался сгладить противоречия между Россией и Германией; так, зная об опасениях, которые существовали в немецком Генеральном штабе относительно русской угрозы, он в своих донесениях в Берлин неоднократно подчеркивал, что у России нет враждебных планов против Германии. Возложенная на него миссия была крушением всех его надежд на мирный исход конфликта.

Задыхаясь от волнения, покраснев до кончиков волос, он трижды переспросил Сазонова, согласна ли Россия отменить свою мобилизацию. Сазонов каждый раз отвечал отрицательно. Тогда Пурталес трясущимися руками вынул из кармана ноту с объявлением войны, не заметив, что передает русскому министру сразу

два заготовленных документа с двумя разными редакциями, которые, однако, заканчивались одинаково: «Его величество кайзер, мой августейший монарх, от имени империи принимает вызов и считает себя находящимся в состоянии войны с Россией».

Сазонов воскликнул:

— Вы проводите преступную политику. На вас падет проклятие народов.

— Мы защищаем нашу честь! — пробовал оправдаться Пурталес.

— Ваша честь не была затронута. Но есть Божий суд!

Пурталес, совершенно подавленный, поплелся к окну, бормоча глухим голосом: «Это правда...» Он оперся на подоконник и вдруг разразился рыданиями. Сазонов, не зная, что сказать, приобнял его и слегка похлопал по спине. «Вот чем заканчивается мое пребывание здесь», — сквозь слезы произнес Пурталес и в отчаянии бросился к двери. Последние его слова были:

— Прощайте! Прощайте!..

Перед расставанием они обнялись.

Николай II вечером записал в дневнике: «Поголял с детьми. В 6 1/2 поехал ко всенощной. По возвращении оттуда узнал, что Германия объявила нам войну».

Примерно в то же время в Берлине разыгрывалось не менее драматическое представление.

В середине дня Вильгельм провел правительственное совещание с участием военных. Уже было известно, что вслед за Россией и Австро-Венгрией мобилизацию объявила Франция. Откладывать «великое решение» больше было нельзя. Около пяти часов кайзер подписал приказ о мобилизации. Присутствующие начали разъезжаться. Однако с полдороги они были вновь вызваны во дворец, где их ждала ошеломляющая новость. Мировая война отменялась!

Фон Ягов зачитал полученную им телеграмму от германского посла в Лондоне. По его словам, это был «луч надежды», позволявший «ограничиться войной лишь на востоке, придать ей характер борьбы славянства с германизмом и помешать возникновению мирового пожара».

Лихновски сообщил о своем телефонном разговоре с Греем, который заметил, что Англия может взять на себя обязательства по обеспечению нейтралитета Франции в случае русско-германской войны, если Германия, со своей стороны, обязется не предпринимать каких-либо

враждебных действий против Франции⁵. Вырисовывалась приятная перспектива легкой победоносной войны не с тремя, а только с одним противником.

Собрание было охвачено радостным настроением, которое держалось до тех пор, пока не вернулся Мольтке. Кайзер приветствовал начальника штаба торжествующим восклицанием: «Итак, мы наступаем со всеми армиями на востоке!» К его удивлению, Мольтке пришел в ужас и категорически отверг эту идею. Верный хранитель «плана Шлиффена» заявил, что «стратегическое развертывание миллионных армий не может быть импровизировано, оно является результатом упорной, многолетней работы и, однажды установленное, не меняется». Германские корпуса, отправленные на восток, явились бы туда не готовыми к бою, «а представляли собой хаотические толпы неорганизованных вооруженных людей без снабжения».

Выступление начальника штаба вызвало ожесточенный спор. Мольтке, возбужденный, с трясущимися губами, упорно держался своей точки зрения. Как может Англия гарантировать французский нейтралитет, спрашивал он. Французы уже начали мобилизацию, и невозможно, чтобы отмобилизованная армия долго оставалась в бездействии. Что будет, если в разгар войны с Россией Франция ударит на Германию с тыла? Однако, несмотря ни на какие доводы, он оказался совершенно одиноким. Вильгельм, рейхсканцлер, Ягов настаивали на том, что дальнейшие действия нужно планировать с учетом английского предложения.

Особенно сильно начальника штаба поразила следующий эпизод. Речь зашла о важном в военном отношении вопросе о Люксембурге. Германский план предусматривал занятие Люксембурга 16-й дивизией, стоявшей в Трире, уже в первый день мобилизации, чтобы взять под контроль железные дороги, стратегически необходимые для дальнейшего сосредоточения германской армии. Но Бетман-Гольвег возражал, что занятие Люксембурга будет воспринято Францией как прямая угроза ее безопасности, после чего о французском нейтралитете можно будет забыть. Их спор был прерван кайзером, который обратился

к дежурному флигель-адъютанту и приказал ему тотчас же послать телеграфный приказ 16-й дивизии, чтобы она не вступала в Люксембург. Мольтке, по его собственным словам, почувствовал, что ему разбили сердце. Понять весь трагизм ситуации, пишет он, «мог только тот, кто в целом и до самых мельчайших подробностей изучил работу по стратегическому сосредоточению, где каждый поезд рассчитан по минутам и где каждое изменение могло оказать самые тяжелые последствия».

Мольтке с трудом удалось убедить кайзера, что сосредоточение главных сил должно быть планомерно проведено согласно существующему мобилизационному расписанию, после чего, если обстоятельства не изменятся, любую часть армии можно будет перебросить с западной границы на восток.

Ответная телеграмма в Лондон была составлена в том духе, что Германия охотно принимает английское предложение, но что план сосредоточения сил на французской границе по техническим соображениям должен быть исполнен во всей точности. Тем не менее, Германия не атакует Францию, если она сама не даст к этому повода.

«Невозможно описать состояние, в котором я вернулся домой, — продолжает Мольтке свой рассказ о злоключениях этого дня. — Я чувствовал себя нравственно разбитым и рыдал от горя». Когда ему принесли на подпись приказ 16-й дивизии оставаться на месте, он в отчаянии бросил перо на стол и заявил, что не подпишет его.

В удрученном состоянии он просидел без дела в своем кабинете до 11 часов вечера, когда снова был вызван к кайзеру во дворец. Вильгельм уже лежал в кровати. Увидев начальника штаба, он встал и набросил на себя сюртук. Затем он молча протянул Мольтке телеграмму Георга V. Мольтке заскользил глазами по строчкам. Король писал, что произошло недоразумение, Лихновски неправильно понял слова Грея (который несколько ранее лично дезавуировал свое заявление), между тем как на самом деле Англия не намерена давать Германии никаких гарантий относительно вмешательства Франции в войну⁶. На полях

⁵ Грей пошел на это, чтобы избежать раскола в английском правительстве, где по-прежнему были сильны изоляционистские настроения.

⁶ Сделку сорвали сами же французы. Французский посол в Лондоне Поль Камбон без обиняков заявил Грею, что если Англия предаст своих друзей, то после войны ей придется об этом пожалеть, независимо от того, кто победит: Германия или Россия с Францией.

телеграммы кайзер уже успел оставить свое замечание: «Грей, лживый пес, боящийся своей собственной подлости и лживой политики...» Когда Мольтке закончил чтение, Вильгельм, едва сдерживая негодование, сказал ему: «Теперь вы можете делать, что хотите». Тот немедленно вернулся домой и составил приказ 16-й дивизии о занятии Люксембурга.

С этого момента рейхсканцлер и министр иностранных дел превратились в простых почтальонов германского Генштаба.

Однако вся эта нервотрепка морально надломил Мольтке. «Это было мое первое переживание во время этой войны, — откровенно признается он. — Я убежден, что если бы телеграмма Лихновски была получена на полчаса раньше, кайзер не подписал бы приказа о мобилизации. Я не мог вытравить из себя этого переживания; у меня что-то оборвалось внутри, чего уже нельзя было поправить; уверенность и доверие были подорваны». Мольтке терзала подспудная мысль, что дрогнувший духом командир не может привести армию к победе. Эта задача оказалась не по плечу и ему самому.

Завершила ужасную комедию ошибок этого дня телеграмма Вильгельма, отправленная в Петергоф в ночь на второе августа. Кайзер, видимо, совсем потерявший голову, просил «Ники», которому несколько часов назад объявил войну, «отдать приказ войскам ни в коем случае не переходить германской границы». Мольтке был прав, не веря в храбрость Вильгельма. Душевные силы его и вправду находились на пределе. «Когда кайзер убедился в неудаче своих усилий спасти мир, он был глубоко потрясен, — свидетельствует Тирпиц. — Один, издавна близкий ему человек, который встретился с ним в первых числах августа, рассказывал, что он никогда не видел такого трагического и взволнованного лица, как у кайзера в эти дни».

В ночь с 1 на 2 августа Сазонов вызвал Палолога и Бьюкенена и сообщил последнему, что «Россия тревожно жаждет узнать, поддержит ли ее Великобритания в войне, ей навязанной».

Одновременно царь направил «кузену Джорджи» телеграмму: «В этот торжественный час я хочу еще раз заверить тебя, что я сделал все, что было в моих силах, чтобы предотвратить войну. Теперь, когда мне ее навязали, я верю, что твоя страна не откажет поддерживать Францию и Россию в борьбе за сохранение

равновесия сил в Европе. Бог да благословит и хранит тебя».

В Петербурге потянулись томительные часы ожидания официального ответа из Лондона.

Тем временем в Берлине раздумывали, как выйти из щекотливого положения, в котором оказалась Германия: война была объявлена России, а германские войска уже вторые сутки сосредоточивались в противоположном направлении, вдоль французской и бельгийской границ. Стратегический план германского развертывания требовал скорейшего открытия военных действий против Франции — но для этого не было юридического основания. Французское правительство, полагавшее чрезвычайно важным, чтобы инициатива агрессии исходила от Германии, еще 30 июля приказало отвести войска на 10 км от границы.

Под давлением Генерального штаба германской дипломатии пришлось пойти на откровенную ложь. Было официально объявлено, что французские войска будто бы в нескольких местах перешли на германскую территорию, а французские самолеты якобы подвергли бомбардировке железнодорожную линию в районе Карлсруэ и Нюрнберга. На этом основании 3 августа в 18 часов 45 минут германский посол в Париже сообщил, что Германия считает себя в состоянии войны с Францией. Спустя несколько часов германские войска перешли границу Бельгии, нарушив нейтральный статус этой страны. Бельгийский король обратился за помощью к Англии. В тот же день от русского посла в Лондоне поступили успокоительные известия: большинство членов кабинета высказались за выступление Англии на стороне России и Франции, наиболее рьяные противники войны ушли в отставку. Наутро 5 августа в Петербурге с огромным облегчением узнали, что накануне, в 11 часов вечера, Англия объявила Германии войну⁷. «Отныне мы союзники», — сказал Грей

⁷ При этом тоже не обошлось без бюрократических ошибок. Первоначальная английская нота указывала, что причиной объявления войны является нарушение Германией нейтралитета Бельгии. Но в половине десятого вечера четвертого августа в Форин офис молнией распространилось известие (как впоследствии выяснилось, ложное) о том, что Германия первой объявила войну Англии. Пришлось спешно переделывать ноту. Когда недоразумение разъяснилось, в английском ведомстве иностранных дел «с острым ужасом» осознали, что князю Лихновски была вручена нота с неправильным обоснованием объявления войны. Было решено, несмотря на поздний час,

русскому послу. Петербуржцы засыпали английское посольство цветами. В Берлине кричали о «расовом предательстве» (*Rassenverrat*) англичан, моментально превратившихся в злейших врагов Германии, превзошедших по коварству даже русских.

Вильгельма эта новость повергла в глубокую депрессию. Его окружение шепталось, что прежде никто и никогда не видел у кайзера такого «трагического и подавленного» выражения лица.

Удивительным образом дольше всех сохраняла официальное миролюбие непосредственная виновница мировой войны — Австро-Венгрия. Пушки уже всюду гремели на востоке и на западе Европы, а в Вене все еще не торопились поддержать «Нибелунгову верность» германского друга. На австрийцев не действовали даже раздраженные указания из Берлина. Вильгельм еще 31 июля телеграфировал Францу Иосифу: «Величайшее значение имеет то, чтобы Австро-Венгрия ввела в дело против России свои главные силы и не раздробила их одновременно наступлением против Сербии. Это тем более важно, что значительная часть моей армии будет связана Францией. В гигантской борьбе, в которую мы вступаем плечом к плечу, Сербия играет совершенно второстепенную роль и требует только самых необходимых оборонительных мероприятий...». 5 августа уже Мольтке напомнил Конраду: «У вас только одна цель — Россия».

Медлительность австрийского правительства объяснялась тем, что оно хотело успеть сосредоточить свои войска на русской границе до начала военных действий. Наконец, 6 августа в шесть часов вечера австрийский посол в Петербурге граф Фридрих Сапари вручил Сазонову ноту с объявлением войны⁸. Дальше в Вене вновь взяли сом-

отправить к нему младшего сотрудника министерства, чтобы заменить неправильный документ на правильный. Лихновски уже был в постели. Выслушав посетителя, он молча кивнул на стол, где лежал полуоткрытый пакет. Оказывается, германский посол, догадываясь о содержании врученной ему ноты, даже не удосужился ознакомиться с ней и, придя домой, в отчаянии швырнул полученный в Форин офис пакет с документами на стол. Посыльный заменил ноту, получи расписку и удалился.

⁸ А.А. Керсновский в связи с этим приводит следующую апокрифическую историю: «В своих мемуарах Сазонов рассказывает (в опубликованных воспоминаниях Сазонова ничего подобного нет. — С. Ц.), как к нему в кабинет явился австро-венгерский посол граф Сапари с текстом объявления войны. «Ввиду того, что Россия объявила войну нашей союзнице — Германии...» — начал он читать по бумажке. «Позвольте, — перебил

намбулическую паузу, после чего объявили войну и другим членам Антанты: 10-го числа — Франции и 12-го — Англии.

Вильгельму в эти дни пришлось пережить еще одно разочарование: Румыния, Греция и Италия заявили о своем нейтралитете. «Союзнники отпадают, как гнилые яблоки!» — сокрушенно писал кайзер. Особенную ярость вызвало в нем поведение Италии — члена Тройственного союза. Ее премьер-министра Джованни Джолитти Вильгельм обругал «удивительным подлецом», а короля Виктора-Эммануила — «мерзавцем».

В итоге рассчитывать можно было лишь на болгарского царя и на двух «больных людей» — Австро-Венгрию и Турцию. С такими вот союзниками Германии приходилось вступать в борьбу, которая, по словам Мольтке, должна была определить «ход истории на последующие сто лет».

Литература

1. Брусилов А.А. Воспоминания. М.: Воениздат, 1963.
2. Бьюкенен Д. У. Моя миссия в России. Воспоминания английского дипломата. 1910–1918. М.: Центрполиграф, 2006.
3. Виллмотт Г. П. Первая мировая война. М.: Ломоносовъ, 2010.
4. Вильгельм II. Мемуары. События и люди. 1878–1918. М. — П.: Издательство Л.Д. Френкель, 1923.
5. Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 1–3. М., 1960.
6. Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М.: Новое лит. обозрение, 2000.
7. Деникин А.И. Путь русского офицера. М.: Современник, 1991.
8. Дневники императора Николая II / общ. ред. и предисловие К.Ф. Шацillo. М.: Орбита, 1991.
9. Добророльский С. О мобилизации русской армии в 1914 году / Царская Россия накануне революции. М., 1991.

его Сазонов, — не Россия объявила войну Германии, а, наоборот, Германия объявила войну России». Сапари посмотрел умоляюще и снова начал: «Ввиду того, что Россия объявила войну нашей союзнице Германии...» — «Позвольте, позвольте, — перебил его опять Сазонов, — это совершенно неверно!» — «Ах, господин министр! — в отчаянии воскликнул посол. — Войдите же в мое положение: мне так приказали!..»

10. История дипломатии: Дипломатия в новое время (1872–1919 гг.). Т. 2 / сост. И.И. Минц, В.М. Хвостов; под ред. В.П. Потемкина — М.; Л.: Госполитиздат, 1945.
11. История Первой мировой войны 1914–1918 гг. М.: Наука, 1975.
12. Керсновский А. А. История Русской армии: В 4-х т. М.: Голос, 1992.
13. Киган Дж. Первая мировая война. М.: АСТ, 2004.
14. Клей К. Король, кайзер, царь. Три монарших кузена, которые привели мир к войне. М.: Вече, 2009.
15. Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. Париж, 1933.
16. Лунева Ю. В. Босфор и Дарданеллы. Тайные провокации накануне Первой мировой войны (1908–1914). М.: Квадрига, Объединенная редакция МВД России, 2010.
17. Макдоно Д. Последний кайзер: Вильгельм Неистовый. М., 2004.
18. Масси Р. Николай и Александра. М.: Пресса, 1996.
19. Милюков П. Н. Воспоминания (1859–1917) / под ред. М. М. Карповича и Б. И. Элькина. Нью-Йорк, 1955.
20. Михайловский Г. Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства, 1914–1920 гг.: В 2 кн. — Кн. 1. Август 1914 г. — октябрь 1917 г. М.: Международные отношения, 1993.
21. Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. Т. 1. Белград, 1939; Т. 2. Мюнхен, 1949.
22. Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны: пер. с фр. 2-е изд. М.: Международные отношения, 1991.
23. Полетика Н. П. Возникновение Первой мировой войны (июльский кризис 1914 г.). М.: Мысль, 1964.
24. Поливанов А. А. Девять месяцев во главе Военного министерства (13 июня 1915 г. — 13 марта 1916 г.) // Вопросы Истории. 1994. № 2, 3, 5, 8–11.
25. Пронин В. О мобилизации русской армии в 1914 г. // Вестник первопоходника. 1964. № 37–38.
26. Пуанкаре Р. На службе Франции 1914–1915 / На службе Франции 1915–1916. — М.: АСТ, Мн.: Харвест, 2002.
27. Роуз К. Король Георг V. М.: АСТ, Люкс, 2005.
28. Сазонов С. Д. Воспоминания. Мн.: Харвест, 2002.
29. Саркисянц М. Английские корни немецкого фашизма. От британской к австро-баварской «расе господ»: пер. с нем. М. Некрасова. СПб.: Академический проект, 2003.
30. Струве П. Б. Великая Россия. Из размышлений о проблеме русского могущества // Русская мысль. 1908. № 1.
31. Такман Б. Августовские пушки. М., 1972.
32. Тарле Е. В. Европа в эпоху империализма 1871–1919 гг. — М.; Л., 1927; 2-е изд., доп. М.; Л., 1928. См. также: Тарле Е. В. Сочинения. Т. 1–12. М., 1957–1962.
33. Турпиц А. Воспоминания. М.: Воениздат, 1957.
34. Уткин А. И. Первая мировая война. М.: Алгоритм, 2001.
35. Фридрих фон Бернгарди. Современная война: Т. 1–2. СПб.: В. Березовский, 1912.
36. Чернин О. В дни мировой войны. М. — Пг.: ГИЗ, 1923.
37. Черчилль У. Мировой кризис 1911–1918. Сокращенное и пересмотренное издание с дополнительной главой о сражении при Марне. Авторский перевод Crusoe (crusoe. livejournal.ru), 2005–2010, с издания: The World Crisis, 1911–1918 (Paperback) by Winston Churchill (Author), Martin Gilbert (Introduction). Free Press, Published by Simon & Shuster New York // [Электронный ресурс] URL: <http://on-island.net/History/Churchill/WorldCrisis/WCris.pdf> (дата обращения: 04.06.2014).
38. Четырехлетняя война 1914–1918 г. и ее эпоха. Т. 46. М.: Рус. библиогр. ин-т Гранат, 1927.
39. Шавельский Г. И. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. Нью-Йорк: изд. им. Чехова, 1954.
40. Шапошников Б. М. Мозг армии: в 3 книгах. М.: Воениздат, 1927–1929.
41. Шацлло В. К. Первая мировая война. 1914–1918. Факты. Документы. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003.
42. Энджелл Н. Великое заблуждение. Очерк о мнимых выгодах военной мощи наций. М., 2009.
43. Энджелл Н. Рассказ о брошюре // Энджелл Н. Великое заблуждение. Очерк о мнимых выгодах военной мощи наций. — М., 2009.